

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

МЕТОДОЛОГИЯ ИЛИ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ? К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Игорь Никифорович Тяпин (i.n.tyapin@mail.ru)

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

Цитирование: Тяпин И.Н. (2019) Методология или философия истории? К вопросу о квалификации теории исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(5): 102–120.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.7>

Аннотация. Вопрос о характере и значении теоретических изысканий А.С. Лаппо-Данилевского до сих пор относится к числу недостаточно определенных в силу как неоднозначности проблемы самого предмета философии истории, так и многоуровневости «Методологии истории». Этот труд вобрал в себя в рамках определенной «парадигмы» обществознания исторические, философские, социологические проблемы. Большинство современных исследователей теоретических работ Лаппо-Данилевского предпочитают сосредоточиваться на значении и актуальности тех или иных сторон его подхода, в котором систематизированы едва ли не все социально-методологические знания того времени. В них нет обобщающих конечных выводов, однако отмечены историографические, философские и социологические элементы концепций. В пользу первого варианта говорят определения самого Лаппо-Данилевского о том, что, в отличие от философии и социологии истории, методология истории не ставит перед собой цели изучения объективного исторического бытия, ограничиваясь исторической эпистемологией, огромное внимание историка к методологии источниковедения, а также отсутствие в его работах развернутой теории исторического развития. Между тем налицо использование Лаппо-Данилевским широкой философской базы, выходящей за рамки теории познания (сюда относится не только неокантианство, но и классическая философия Нового времени и Просвещения, философия жизни, феноменология, историософия российского консерватизма, современные ему социологические концепции и др.). Его обращение в ходе конструирования истории к вопросам исторической онтологии свидетельствует об определении истории как взаимообусловленной закономерной совокупности событий. Он подчеркивает роль индивидуальных субъектов истории (деятельность исторических личностей как разновидность диалектического взаимодействия индивида со средой) и «коллективных существ» (социальных групп, народов, государств и т.д.). Понимание истории Лаппо-Данилевского во многом разворачивается как история культурно-

этических идей и движения к нравственному идеалу. Утверждения о контекстуально философско-историческом характере методологии истории Лаппо-Данилевского расширяют границы теории истории до философии истории в ее эпистемологической версии. Данный контекст стал следствием логики системно-теоретического познания истории как множества социокультурных образований, а также единства гносеологического и эпистемологического подходов.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, методология истории, философия истории, социальная теория, историческая гносеология, историческая эпистемология, историческая объективность, системный подход.

Во всем многообразии разработанных философских и историко-методологических направлений взгляды Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, связанные с проблематикой типологических обобщений в социальном познании, имеют непреходящее значение для развития и диалога смежных отраслей гуманитарного знания — философии, истории и социологии. То обстоятельство, что теория исторического познания Лаппо-Данилевского была философски и социологически ориентированной и во многом стала для него шагом к построению научно-философской теории обществознания — вполне закономерное следствие истории становления отечественной социологии, у истоков которой стоял ряд видных историков и философов истории (в том числе Н.Я. Данилевский, Н.И. Кареев, В.О. Ключевский). Так, Н.И. Кареев полагал, что «в процессе своего развития историческая наука все более и более подчиняется социологической точке зрения, делая главным своим предметом общество в его строе и быте», вследствие чего история и социология «должны взаимно дополняться» [Кареев 1897: 44]. В ситуации методологического отхода российской исторической науки от спекулятивного рационализма в сторону позитивизма философия истории нередко рассматривалась в качестве синонима социологии.

Время исследовательской деятельности Лаппо-Данилевского, пришедшее на конец XIX — начало XX в., стало для философии истории и методологии истории периодом напряженной предметной самоидентификации, выделения основных представлений об их содержании, выхода за рамки унифицирующего позитивистского подхода (иллюстрацией последнего собственно и является эволюция взглядов русского историка). В философии жизни и баденской школе неокантианства акценты исследования сместились с теории истории на теорию познания, выводя на первый план проблему понимания. В. Дильтей, В. Виндельбанд, Э. Кассирер, Г. Риккерт доказывали, что история как процесс саморазвития и само-

регуляции следует собственным нерегулируемым правилам, обсуждали вопросы ценности природы познания культурно-исторического процесса.

Для российских ученых и мыслителей со времен Просвещения взгляды иностранных классиков чаще всего оказывались контекстом и источником, но не догмой. Органичное, неэклетическое соединение различных теорий, их переосмысление и уход от крайностей были и остаются одной из важнейших функций и особенностей отечественной гуманитарной мысли. В этом плане теория исторического познания Лаппо-Данилевского, изложенная в работах «Методология истории» и «Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идеографическом», представляет собой творческий синтез позитивистских и неокантианских идей, а также положений философии жизни и русской субъективной школы социологии (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский) (Берус 1998). В рамках учения о типах рациональности В.С. Стёпина такой подход можно назвать соединением классической и неклассической парадигм рациональности.

При этом вопрос о характере и значении (собственно методологическом или философском) историко-гносеологических изысканий Лаппо-Данилевского до сих пор относится к числу недостаточно определенных в силу разных причин и обстоятельств. К числу важнейших из них, следует отнести, во-первых, неоднозначность решения проблемы самого предмета философии истории и методологии истории, соотношения их статусов (это различные, пусть и взаимосвязанные дисциплины или историческая методология являются составной частью философии истории), а во-вторых, многоуровневость методологии истории автора, стремившегося к созданию целостного обоснования научного статуса исторического знания.

Так, сам Лаппо-Данилевский как теоретик позиционировал себя в первую очередь в качестве методолога, отмечая, что, в отличие от философии истории, методология истории не ставит перед собой цели изучения объективного исторического бытия, ограничиваясь исторической эпистемологией: «Она (методология истории. — *И.Т.*) более определена по своему объему, чем философия истории, так как имеет в виду одно только учение о принципах и методах исторической науки и не входит в рассмотрение реально протекающего процесса развития человечества или его “исторических судеб”» (Лаппо-Данилевский 1923: 16). Однако за собственно методолого-источниковедческой концепцией Лаппо-Данилевского обнаруживается и, так сказать, более высокий, метафизический, уровень. О.В. Русакова отмечает, что методология Лаппо-Данилевского «в своей основе содержала идею об истории как “науке о духе”. В соответствии

с данной установкой исторический процесс рассматривается в свете эволюции психической жизни людей, а исторический источник понимается как «реализованный продукт человеческой психики» (Русакова 2015: 111).

В связи с проблемой определения «поля» философии истории стоит привести несколько точек зрения современных авторов, в чьих работах она как-либо соприкасалась с обращением к концепции Лаппо-Данилевского.

Для начала можно указать на достаточно известный подход О.Ф. Русаковой, выделяющий три модели философии истории: 1) метафизическую, включающую главным образом онтологическую проблематику (учение об исторической реальности и историческом процессе, проблемы логики исторического развития, исторических закономерностей, прогресса и регресса, свободы и необходимости, смысла истории и т.д.); 2) эпистемологическую, рассматривающую проблемы логического оформления и структуры исторической мысли, исторического понимания и объяснения, методологии и процедур интерпретации источников, моделирования исторических событий, ситуаций и процессов, типологии исторических фактов и теорий; 3) антропологическую, претендующую на синтез первых двух подходов посредством фокусировки внимания на проблемах культурных и ментальных миров человека (Русакова 2000).

Н.М. Дорошенко отмечает, что к концу XIX в. философия истории разделяется на две отрасли: предметную, содержательную, акцентирующую внимание на проблемах исторического бытия, смысла и направленности истории, и философию знания, которая, изучая не сам предмет, а знание об этом предмете, становилась рефлексий, т.е. знанием об этом знании (Дорошенко 2005: 83). Эти изменения привели к формулированию новых дефиниций и категорий философии и методологии истории, которые входят в инструментарий современных исследователей. Так, философия истории стала пониматься как философия знания, исторический метод — как метод получения или критики знания, методология истории — как методология исторического познания.

Ю.А. Кимелев пишет о западной эпистемологической философии истории как по преимуществу философской рефлексии относительно реальной практики познания прошлого академической исторической наукой, опирающейся на накопленную историографию и представленной в двух разновидностях: континентальной (связанной с историзмом в той определенности, какую он получил в неокантианстве и философии жизни, а позднее — в феноменолого-герменевтических концептуализациях) и аналитической (стремление к выработке системы исторического знания, внимание к проблемам объяснения, реализма, нарративизма) (Кимелев 2009).

К числу дискуссионных (исходя из формационного или цивилизационного, объективистского или субъективистского и т.д. подходов) вопросов в плане определения допустимости и целесообразности их постановки в философско-историческом дискурсе относят предсказуемость исторического процесса, соотношение и взаимосвязь рационального и иррационального в жизнедеятельности человека, наличие и проявление в истории надындивидуальных сознания и воли и др.

Однако несомненно, что при всем многообразии подходов к пониманию проблематики философии истории можно указать на ряд вопросов, признаваемых практически всеми ее направлениями. Сюда непосредственно относятся: специфика общественного исторического процесса в сравнении с природой, факторы и движущие силы истории (прежде всего, какая из сфер общественной жизни является определяющей для исторического движения), исторический объект философского познания (допустим, только общее или особенное, исторические законы или исторические события), направление исторического движения, перечень, классификация и роль субъектов истории. Соответственно по степени их представленности и глубине разработанности можно в определенной степени судить о философском или нефилософском характере исторических работ того или иного автора.

На практике большинство современных исследователей теоретических работ Лаппо-Данилевского предпочитают сосредотачиваться на значении и актуальности тех или иных сторон его подхода, систематизировавшего едва ли не все историко-методологические знания того времени, без обобщающих конечных выводов. Примером может служить следующая характеристика М.Ф. Румянцевой: Лаппо-Данилевский — «создатель оригинальной культурологической теории, в которой произведение культуры (понимание в системе категорий исторической науки как исторический источник) выступает как интегрирующее начало гуманитарного знания и основа строгой научности гуманитарных наук» (Румянцева 2007: 1100). Однако тенденции к акцентированию либо историографических, либо философских элементов его концепции все же прослеживаются.

В пользу первого варианта (Лаппо-Данилевский — в основном методолог, во многом созвучный идеям возникшей несколько позже школы «Анналов») говорит огромное внимание историка к методологии источниковедения, а также отсутствие в его работах развернутой теории исторического развития.

По мнению Н.М. Дорошенко, Лаппо-Данилевский значим тем, что первый провел различие по предмету и методу между социологией и историей и, таким образом, обосновал специфику исторического метода,

показав его отличие от естественно-научного и социологического методов, а в самой истории различал номотетическую и идеографическую точки зрения и формулировал задачи номотетического и идеографического построения исторического знания (Дорошенко 2003: 221–222). Ю.М. Батурич выделяет междисциплинарное (в том числе юридическое и техническое) значение его методологии причинно-следственных связей, в которой выделяются фактическая и оценочная составляющие, а положение о субъектности причинности связано со структурой причинно-следственной связи (Батурич 2013: 5–7).

Е.Л. Сараева анализирует ряд компонентов учения Лаппо-Данилевского о методике исторического построения и критериях научности работ, касающихся четкого определения предмета и цели изучения, необходимости установления исторического значения фактов, обобщения эмпирических данных, выявления совокупности реальных условий пространства и времени, в которых протекала действительность, объяснения конкретного результата действительности фактами, а не логическим путем, индивидуализации и типизации исторических явлений. Лаппо-Данилевский предстает здесь как методолог, разработавший алгоритм восстановления исторического факта и конструирования образа через психологическое истолкование, понимание чужого сознания, другого «я» (Сараева 2015).

Вместе с тем, как отмечает А.В. Малинов, среди русских историков Лаппо-Данилевский отличался склонностью к разработке философских проблем, далеких от конкретики историографии; более того, он сам отмечал, что свои методологические семинарии «вел в духе критической философии» (Малинов 2013: 90). Задача исследования национальной (русской) истории для Лаппо-Данилевского была следствием именно такого понимания предмета истории, результатом его дальнейшей конкретизации. Для философского отношения к истории особенно важен подход к частным историческим проблемам со стороны обобщающего взгляда на саму историю, обоснованного мировоззренчески и гносеологически (Малинов 2013: 91). Далее, полагает А.В. Малинов, значение, смысл источника для Лаппо-Данилевского раскрывается посредством «аксиологического анализа», т.е. отнесения к ценности, а основная задача философии истории — это выявление ценностей, как абсолютных (которые существуют постоянно), так и конкретно-исторических; историк должен определить для себя ценностный фон эпохи (Пружинин и др. 2017: 33). Здесь налицо подход к пониманию всемирной истории как эволюции ценностей в качестве ее движущих сил (что вполне вписывается в «несакральное» направление социального идеализма), в основе которого лежит один из ключевых тезисов философии истории Г. Риккерта: любой исторический закон

является «формулой ценности», а исторический процесс есть не что иное как возрастание ценности, связанное с возникновением нового. «Поэтому, — как пишет Г. Риккерт, — если философия истории как наука о принципах, вообще имеет *raison d'être*, то она должна быть учением о ценностях, сообщающих единство историческому универсуму и вместе с тем расчленяющих его» (Риккерт 1998: 235).

Более того, саму историю Лаппо-Данилевский мыслит как историю человечества, являющуюся, в свою очередь, частью истории мирового целого. Человечество он представляет состоящим из индивидуальностей, способных сообща сознавать абсолютные ценности. «По мере объединения своего сознания» человечество стремится «опознать систему абсолютных ценностей и осуществить ее в истории, воздействуя, таким образом, и на тот универсум, частью которого оно оказывается» (Лаппо-Данилевский 2006: 261–262). Чрезвычайно важный для работы историка «принцип признания чужой одушевленности», согласно Лаппо-Данилевскому, можно считать как научной гипотезой, так и нравственным постулатом, имеющим регулятивно-телеологическое значение (Лаппо-Данилевский 2006: 241–242). Применение этого принципа в регулятивном значении позволяет историку мыслить исторический процесс так, как будто этот процесс имеет цель. Занимаясь изучением интересующего периода, историк должен иметь в виду общую историю человечества, ее общее направление, многообразие эволюции, которое обнаруживается в едином историческом целом. Впрочем, одновременно он предостерегает исследователя от соблазна представлять цель истории «объективно данной в действительности ценностью», что может привести к ненаучному использованию понятий прогресса или регресса (Лаппо-Данилевский 2006: 224). И это при том, что принципом причинно-следственности и целесообразности в исторических построениях, а также вопросу о том, в каком смысле можно пользоваться понятиями «эволюция», «прогресс», «регресс», историк, по Лаппо-Данилевскому, должен придавать особое значение (Лаппо-Данилевский 2006: 18–19). Основываясь на понятии о значении цели для результата, историк судит о степени прогрессивности или регрессивности «эволюционной серии» по тому, реализуется ли или сходит на нет в определенном ряде фактов какая-либо ценность.

Ю.А. Васильев пишет, что размышления Лаппо-Данилевского ассоциативны также с феноменологическим направлением, в частности с феноменологией Э. Гуссерля (представление о мировом целом как предельном объекте науки, человечестве как особой, наделенной сознанием части мирового целого; утверждение цельности и единства истории человечества: на всем своем временном протяжении — это эволюционное целое

человечества и на каждый данный момент — коэкзистенциальное целое человечества; трактовка истории народа, страны, личности как части этого целого) (Васильев 2017: 188).

Говоря о философских истоках и созвучности, безусловно необходимо добавить в этот список и философию жизни Г. Зиммеля, В. Дильтея, а последнего еще и как одного из основоположников герменевтики (признание принципа чужой одушевленности, понимание «чужого» сознания, «чужого Я», связь и единство интерпретатора и интерпретируемого в языке). Тем более что, как отмечают Л.К. Рябова и А.А. Рябов, Лаппо-Данилевский говорит о необходимости «установить соответствие между чужой и своей ассоциацией», о «толковании чувствований», т.е. о герменевтическом подходе со ссылками на Ф. Шлейермахера и В. Дильтея (Рябова, Рябов 2014: 9).

Наконец, необходимо указать на выявленный А.В. Малиновым и И.Ю. Пешперовой в ходе изучения корректурных листов новой (перерабатываемой) редакции «Методологии истории» серьезный интерес Лаппо-Данилевского к философии европейского Просвещения. Это позволяет говорить об опосредованной (в контексте анализа методологии исторического познания в жанре истории идей или истории философских учений) связи социально-философского мировоззрения российского историка с просветителями. Из описанных указанными авторами в статье «Вопрос о возникновении социологии в курсе Лаппо-Данилевского «Научные основы социологии в их историческом развитии» (по материалам архива)» концептуально-теоретических и методологических положений, выделенных Лаппо-Данилевским при анализе «знаковых» фигур Просвещения, на наш взгляд, примечательны как созвучные его собственным идеям следующие: а) важность рационалистического понимания общества, учение о воле, которая обуславливает действия, роль «примера и привычки» в социальной жизни, вера в умственный прогресс (Р. Декарт); б) близость антропологии и морали к «социальным дисциплинам» (Ф. Бэкон); в) изучение истории с «научно-критической» и «культурно-исторической» точек зрения, усмотрение в культурной истории человечества прогресса в области разума и нравственности (Вольтер); г) приложение эмпирического метода к области «душевных явлений», а также определение своего «я» лишь в его отношении к «чужим я» (Д. Юм); д) стадийность умственного прогресса (Ж. Кондорсе); изучение истории с «обобщающей социологической точки зрения», предполагающей выяснение общих «моральных» и физических причин, влияющих на государственный строй и на его законы (Ш. Монтескье) (Малинов, Пешперова 2014).

В рамках тематики исторического познания Лаппо-Данилевский осуществил косвенное обращение к вопросам онтологии истории: обуслов-

ленности событий, исторических связей и закономерностей. Как известно, он различал два вида интерпретации: формальную (рационалистическую) и реальную (собственно историческую). Первая раскрывает общий смысл источника, а вторая становится истолкованием его содержания с учетом места и времени возникновения и личности автора. Соответственно при установлении причинно-следственных связей между фактами исследователю важно различать «понятие о логически необходимой и понятие о фактически необходимой связи между двумя фактами — предшествующим и последующим» (Лаппо-Данилевский 2006: 134). При этом именно соблюдение или нарушение законов логики, заключаемое в историческом свидетельстве, служит основанием для суждения о возможности или невозможности сообщаемого факта.

Все это, кстати, отвергает мнение, высказанное Н.Г. Баранец и А.Б. Вережкиным (на основе определенной трактовки тезиса о том, что историк вынужден принимать гипотезы о мотивах действий исторических личностей, соглашаться с гипотезой, приписывать ей объективно-реальное значение и затем уже исходить из нее в своих дальнейших рассуждениях), будто история для Лаппо-Данилевского не имела объективного содержания и он фактически сформулировал идеи о конструктивности исторического знания, конвенциональности и когерентности исторической истины (Баранец, Вережкин 2017: 67). Как постоянно подчеркивает в своих работах О.Ф. Русакова, все методы интерпретации источников, выделяемые Лаппо-Данилевским (психологический, технический, типизирующий, индивидуализирующий) рассматривались историком при их применении в единстве как способы адекватного осознания прошлого.

В вопросе о направлении исторического движения Лаппо-Данилевский, как отмечает Е.Н. Мотовникова, отдавал приоритет понятиям «эволюция», «консенсус» как разновидностям причинно-следственного отношения, однако употреблял и понятие «развитие» (Мотовникова 2016: 6–7). По замечанию этого автора, историк не забывал упомянуть и об органической теории, в которой «давно получило свое приложение» понятие о согласованности и неразложимости целостных систем, отмечал характерный для органической модели телеологизм, трактуя его в смысле некой общей внешней цели: «ни одна из частей организма не может быть подвергнута существенному изменению, без того чтобы оно не отразилось на состоянии всех остальных; но такое понятие конструируется при помощи еще одного принципа — телеологического; части органического целого представляются нам воздействующими друг на друга для того, чтобы произвести общее действие». Реализация принципа исторической эволюции описывается им со ссылкой на О. Конта, В. Вундта и К. Лам-

прехта, как изучение «психогенезиса социальной группы, народа, государства и т.п.», когда историк «устанавливает “типические” стадии культуры; он характеризует каждую из них присущей ей “психической механикой” и выясняет ее связь с предшествующей и с последующей в причинно-следственном смысле» (Мотовникова 2016: 7). Здесь важно указать на подмеченную А.В. Малиновым значительную близость для Лаппо-Данилевского, как и для многих ученых его эпохи, социологии и философии истории, отсутствие между ними принципиального различия (Пружинин и др. 2017: 34).

С.П. Рамазанов в ходе анализа ценности индивидуальности в аксиологической методологии Лаппо-Данилевского затрагивает вопрос о трактовке им проблемы роли личности в истории. Суть ее в том, что, по мнению русского историка, критиковавшего представителей немецкого неокантианства за пренебрежение к различению между понятиями о «всеобщем значении» индивидуальности и ее «историческом значении», личность может иметь «очень большую ценность» и почти не иметь исторического значения и, напротив, не особенно сама по себе ценная личность при определенных обстоятельствах может получить сравнительно большое историческое значение (например, Робеспьер). Отсюда вывод Лаппо-Данилевского: «Лишь комбинируя понятие о ценности и действительности индивидуального историк получает основание признать за ним историческое значение; такое сочетание и служит ему в качестве критерия выбора исторических фактов» (Рамазанов 2014: 34).

Отсюда можно выйти на проблему соотношения у Лаппо-Данилевского личной и коллективной индивидуальности как волевой субъектности. Подобно решительности и настойчивости исторических деятелей (таких как Фемистокл, Юлий Цезарь, Лютер, Петр I, Фридрих II, Наполеон, Бисмарк и др.) «в аналогичном смысле можно рассуждать, конечно, и о целом народе как о своего рода индивидуальности, воздействие которой на окружающие народы также находится в зависимости от степени волевого ее напряжения» (например, французы в эпоху Великой революции и борьбы против коалиции) (Лаппо-Данилевский 2006: 255).

Ю.А. Васильев в ходе исследования теоретической концепции И.Г. Дройзена, в частности его определения научного метода как метода понимания, который изучает акты свободной воли, их действие, исследование нравственного мира в его движении, в его становлении и росте, предполагает, что именно эта идея побудила Лаппо-Данилевского к обоснованию принципов чужой одушевленности, единства чужого сознания, понимания исторического источника как реализованного продукта человеческой психики (Васильев 2016: 10).

Указанное предположение выглядит небезосновательным, если вспомнить фундаментальные постулаты концепции Дройзена об объединяющем, формообразующем народном духе как постоянном, включенном в ее динамичный поток, факторе истории и результате исторического развития: сущность народа состоит в сознании и воле единства; народ сплачивается только вокруг объединяющей идеи; идея народа есть одновременно идея государства; человек принадлежит своей семье, народу, государству, вере; на основе общей народной идеи создается форма бытия, формируется национальное образование из людей, которые представляют народ как единое целое только в этом духе — без него они лишились бы сущностной определенности, человеческого существования; народный дух не остается неизменным; пульс жизни исторического движения заключается в свободе каждого представителя нравственного мира. У Лаппо-Данилевского идея государства декларируется как абсолютная ценность, которая постепенно познается общественным сознанием и становится силой, реализующей гармонию общественных интересов и развивающей личность. К примеру, рассматривая становление податной системы в России, российский историк пишет: «По мере того, как росло и крепло Московское государство, в обществе развивалось сознание тех обязанностей, какие падали на его членов», которое «легло в основание правительственной деятельности и нередко руководило общественной мыслью» (Лаппо-Данилевский 1890: 501). Важнейшими аспектами изучения русской культуры Лаппо-Данилевский считал развитие «народного самосознания», «личного начала» и других проявлений «коллективной одушевленности». В частности, новый тип «просвещенного» государства способствовал формированию личности русского человека, сложившейся только во второй половине XVIII — начале XIX в., так как «реформа Петра Великого хотя и не создала лица как самостоятельной единицы общественного строения, но, во всяком случае, расчистила ту почву, на которой свободно могла с течением времени развиваться человеческая личность» (Лаппо-Данилевский 1898: 15). Таким образом, Лаппо-Данилевский понимал исторический процесс как развитие культурных (политических, этических и др.) идей, лишенных классового содержания.

В ряде работ (в частности, в «Материалах для плана общеобразовательного курса по истории человечества») Лаппо-Данилевского отчетливо прослеживается сформулированная еще философией Просвещения и немецким идеализмом план-схема всемирной истории, сутью которой выступает идея единства всемирно-исторического процесса от времен родового и племенной разрозненности, при том что сам процесс понимается как постепенное складывание общечеловеческой культуры как

объединение человечества и в смысле установления постоянных и прочных связей между отдельными его частями, и в смысле распространения в нем единой культуры, являющейся синтезом вкладов, которые делались в нее отдельными народами при решающем влиянии, особенно в Новое время, европейской цивилизации. Отдельные страны занимали в истории место, с одной стороны, представительниц отдельных типов («воинствующая держава», «город-государство», «национально правовое государство»), с другой — составных частей некоторых целых. В каждой исторической индивидуальности Лаппо-Данилевский усматривал лишь часть одного всеобъемлющего целого.

В рамки этой схемы он укладывал и развитие русского народного духа во многом как рецепции западной и восточной культур. Временем интенсивного осознания русским народом своей национальной идентификации ученый называл позднее Средневековье и раннее Новое время. Л.Б. Сукина утверждает, что Лаппо-Данилевский «сознательно ограничивал исследование общественной мысли и культуры допетровской России выявлением следов культурного влияния позднесхоластической и ренессансной мысли в русской “ученой” религиозной книжности. В своих выводах он не учитывал своеобразие русской национальной религиозности и связанного с ней комплекса морально-этических представлений» (Сукина 2014: 47). Не оспаривая данное мнение, одновременно отметим: историк утверждал и то, что развитие национального самосознания и процесс образования исторической личности русского народа как элементов интеллектуальной жизни «нельзя сводить к одним только внешним проявлениям его деятельности, не нарушая целообразности и непрерывности ее эволюции» (Лаппо-Данилевский 1912: 112).

В связи с вышеизложенным стоит согласиться с Л.К. Рябовой и А.А. Рябовым в том, что, по сути, подходы Лаппо-Данилевского отвечают позициям и ключевым проблемам (понимания, интерпретации) современной континентальной философии истории и одновременно содержат элементы аналитической философии истории — стремление к выработке системы исторического знания, внимание к проблемам объяснения, реализма, нарративизма, хотя и не выраженных в принятых ныне терминах (Рябова, Рябов 2014: 9, 11).

Таким образом, анализ и реконструкция теории исторического познания Лаппо-Данилевского в формате обращения к разноплановым текстам, соединения собственно методологической концепции и работ по всемирной и русской истории позволяют говорить о ее в значительной степени философском характере, что выражается в обращении к ряду ключевых вопросов философии истории. Достаточно широкая фило-

софско-концептуальная база как традиция развития российской историографии обусловила своеобразие трактовки ученым неокантианской методологии истории. Полагая корректными утверждения о контекстуально философско-историческом характере методологии истории Лаппо-Данилевского, расширении здесь границы теории истории до философии истории в ее эпистемологической версии (Рябова, Рябов 2014: 13), следует добавить, что данный контекст стал следствием логики системно-теоретического познания истории как множества взаимодействующих социокультурных образований, а также единства гносеологического (эмпирико-рациональная реконструкция исторического процесса) и эпистемологического (интеллектуальное пространство истории, историческое познание как путь духовного воспитания человечества) подходов. В основе данного методологического единства лежит некоторое общетеоретическое единство российской исторической науки, именуемое как «историческая эпистемология» — соединение историософского и историографического типов знания при нивелировании таких их крайностей, как абсолютная априорность исторического схематизма и полный уход в эмпиризм (Воробьева 2007: 160). Историософичность (в значении разновидности философии истории, признающей телеологический смысл истории) теории исторического познания Лаппо-Данилевского, не уместяющаяся в рамки его достаточно твердого мировоззренческого либерализма, ассоциируется с диалектической историософией не только немецкого, но и российского консерватизма (Н.М. Карамзин, С.С. Уваров и др.): этатизмом, тезисами об историческом целом как некотором единстве многообразия, когда идея национального государства служит выражением мировой цивилизации (Тяпин 2008). Как и у отечественных консервативных воззрений выступает здесь естественным следствием углубленного, выходящего на метафизический уровень осмысления проблемы аксиологического идеала, что подчас делало рассуждения Лаппо-Данилевского о западной и российской истории (несмотря на методологическую модель синтеза номотетического и идеографического) не лишены спекулятивности. Главная направленность концепции Лаппо-Данилевского состоит в раскрытии содержания и потенциала влияния субъекта (прежде всего творческой личности) на ход и направление цивилизационной эволюции человечества.

Литература

Баранец Н.Г., Веревкин А.Б. (2017) Об эпистемологической неопределенности истории. *Симбирский научный вестник*, 4(30): 65–80.

Батурин Ю.М. (2013) А.С. Лаппо-Данилевский и его научное наследие. *Клио*, 12 (84): 5–7.

Берус В.В. (1998) *Проблемы философии истории в русском неокантианстве: А.С. Лаппо-Данилевский: дис. ... к. филос. н.* СПб.

Васильев Ю.А. (2016) Немецкие школы историков XVIII–XIX вв. Статья 3. Прусская (малогерманская) научная школа. *Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение*, 4: 5–19.

Васильев Ю.А. (2017) Был ли А.С. Лаппо-Данилевский неокантианцем в истории? *Власть*, 3: 186–191.

Воробьева С.А. (2007) Методология исторического источниковедения в русской философии истории первой половины XIX в. *Вестник Санкт-Петербургского университета, Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения*, 4: 154–163.

Дорошенко Н.М. (2003) А.С. Лаппо-Данилевский — основоположник российской методологии истории. *Историческая наука и методология истории в России XX века. К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории*. Вып. I. СПб.: Северная звезда: 217–225.

Дорошенко Н.М. (2005) *Российская методология истории (философские подходы)*. СПб.: Нестор.

Кареев Н.И. (1897) *Введение в изучение социологии*. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича.

Кимелев Ю.А. (2009) *Западная философия истории на рубеже XX–XXI вв.: аналитический обзор*. М.: ИНИОН РАН.

Лаппо-Данилевский А.С. (1890) *Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований*. СПб.: тип. И.Н. Скороходова.

Лаппо-Данилевский А.С. (1898) *Очерк внутренней политики Императрицы Екатерины II*. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича.

Лаппо-Данилевский А.С. (1912) *Исторические взгляды В.О. Ключевского. В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания*. М.: Научное слово: 100–116.

Лаппо-Данилевский А.С. (1923) *Методология истории*. Вып. 1. Пг.: Российская государственная академическая типография.

Лаппо-Данилевский А.С. (2006) *Методология истории*. М.: Территория будущего.

Малинов А.В. (2013) Основные принципы неокантианской философии истории А.С. Лаппо-Данилевского (к 150-летию со дня рождения). *Вопросы философии*, 12: 89–95.

Малинов А.В., Пешперова И.Ю. (2014) Вопрос о возникновении социологии в курсе А.С. Лаппо-Данилевского «Научные основы социологии в их историческом развитии» (по материалам архива). *Вестник Санкт-Петербург-*

ского университета, Сер. 17. *Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*, 3: 24–33.

Мотовникова Е.Н. (2016) Проблема исторических типов в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 4: 5–11.

Пружинин Б.И., Бендерский И.И., Воробьева О.В., Долгова Е.А., Малинов А.В., Микешина Л.А., Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А., Хвостова К.В., Щедрина Т.Г. (2017) Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В.И. Герье. Материалы конференции — «круглого стола». *Вопросы философии*, 9: 24–61.

Рамазанов С.П. (2014) Гносеологический и социальный контексты неокантианского дискурса А.С. Лаппо-Данилевского. *Диалог со временем*, 46: 28–37.

Риккерт Г. (1998) *Философия жизни*. Киев: Ника-Центр; Вист-С.

Румянцева М.Ф., Левит С.Я. (ред.) (2007) Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич. *Культурология. Энциклопедия*. Т. 1. М.: РОССПЭН.

Русакова О.Ф. (2000) *Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи*. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН.

Русакова О.Ф. (2015) Неокантианский дискурс философии истории: методологические аспекты. *Дискурсология: методология, теория, практика*, 9: 99–120.

Рябова Л.К., Рябов А.А. (2014) Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современная западная теория истории. *Новая и Новейшая история*, 1: 8–16.

Сараева Е.Л. (2015) Методика исторического построения: идеи А.С. Лаппо-Данилевского. *Ярославский педагогический вестник*, 6: 84–90.

Сукина Л.Б. (2014) Концепция истории русской культуры XVII века А.С. Лаппо-Данилевского и ее место и роль в современных гуманитарных исследованиях. *Диалог со временем*, 46: 45–53.

Тяпин И.Н. (2008) *Философско-исторические идеи российского консерватизма XIX — начала XX в.* Вологда: Изд-во Вологодского гос. технич. ун-та.

Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В.И. Герье. Материалы конференции — «круглого стола» (2017). *Вопросы философии*, 9: 24–61.

METHODOLOGY OR PHILOSOPHY OF HISTORY? QUALIFYING A.S. LAPPO-DANILEVSKY'S THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Igor Tyapin (i.n.tyapin@mail.ru)

Vologda State University, Vologda, Russia

Citation: Tyapin I. (2019) Metodologiya ili filosofiya istorii? K voprosu o kvalifikatsii teorii istoricheskogo poznaniya A.S. Lappo-Danilevskogo [Methodology or philosophy of history? Qualifying A.S. Lappo-Danilevsky's Theory of Historical Knowledge]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(5): 102–120. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.7> (in Russian).

Abstract. The question of the nature and significance of Lappo-Danilevsky's theoretical research is still insufficiently defined due to the ambiguity of the subject of philosophy of history and the multilayered nature of the Methodology of History. This work incorporates historical, philosophical and sociological problems within a certain "paradigm" of social studies. Most modern scholars of Lappo-Danilevsky's theoretical works prefer to focus on the significance and relevance of certain aspects of his approach, which systematised almost all social and methodological knowledge of the time. There are no generalizable final conclusions, but the historiographical, philosophical and sociological elements of the concepts are noted. In favor of this reading are the very definitions of Lappo-Danilevsky who stated that, unlike the philosophy and sociology of history, the methodology of history does not aim to study objective historical being, being limited to historical epistemology, and the historian's great attention to the methodology of source study, as well as the lack of a developed theory of historical development in his works. On the other hand, Lappo-Danilevsky uses a broad philosophical base that goes beyond the theory of cognition (this includes not only neo-Kantianism, but also the classical philosophy of the Modern Times and the Enlightenment, philosophy of life, phenomenology, the historiosophy of Russian conservatism, sociological concepts of that time, etc.). His reference to questions of historical ontology in the construction of history testifies to the definition of history as an interdependent natural set of events. He emphasises the role of individual subjects of history (the activity of historical individuals as a type of dialectical interaction of the individual with the environment) and "collective beings" (social groups, peoples, states, etc.). Lappo-Danilevsky's understanding of history largely unfolds as a history of cultural and ethical ideas and the movement towards a moral ideal. Assertions about the contextual philosophical-historical nature of Lappo-Danilevsky's methodology of history extend the boundaries of the theory of history to the philosophy of history in its epistemological version. This context was a consequence of the logic of system-theoretic cognition of history as a set of socio-cultural formations, as well as the unity of gnoseological and epistemological approaches.

Keywords: A.S. Lappo-Danilevsky, methodology of history, philosophy of history, social theory, historical epistemology, historical objectivity, system approach.

References

Baranec N.G., Verevkin A.B. (2017) Ob epistemologicheskoy neopredelennosti istorii [On the epistemological uncertainty of history]. *Sibirskij nauchnyj vestnik* [Sibirsk scientific Herald], 4(30): 65–80 (in Russian).

Baturin Yu.M. (2013) A.S. Lappo-Danilevskij i ego nauchnoe nasledie [A.S. Lappo-Danilevsky and his scientific heritage]. *Klio* [Clio], 12(84): 5–7 (in Russian).

Berus V.V. (1998) *Problemy filosofii istorii v russkom neokantianstve: A.S. Lappo-Danilevskij* [The Problems of philosophy of history in Russian neo-Kantianism: A.S. Lappo-Danilevsky]. Dis. ... kand. filos. nauk. St. Petersburg (in Russian).

Doroshenko N.M. (2003) A.S. Lappo-Danilevsky — osnovopolozhnik rossijskoj metodologii istorii [A.S. Lappo-Danilevsky — the founder of the Russian methodology of history]. In: *Istoricheskaya nauka i metodologiya istorii v Rossii XX veka: K 140-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.S. Lappo-Danilevskogo. Sankt-Peterburgskie chteniya po teorii, metodologii i filosofii istorii* [Historical science and methodology of history in Russia: to the 140th anniversary of the birth of academician A.S. Lappo-Danilevsky. St. Petersburg reading on theory, methodology and philosophy of history], 1. St. Petersburg: Severnaya zvezda: 217–225 (in Russian).

Doroshenko N.M. (2005) *Rossijskaya metodologiya istorii (filosofskie podhody)* [Russian methodology of history (philosophical approach)]. St. Petersburg: Nestor (in Russian).

Filosofsko-metodologicheskie proekty russkih istorikov i sovremennye problemy metodologii istoricheskogo poznaniya. K 180-letiyu V.I. Gerye. Materialy konferencii — «kruglogo stola» (2017) [Philosophical and methodological projects of Russian historians and modern problems of methodology of historical knowledge. To the 180-th anniversary of V.I. Gerye. Materials of the conference — “round table”]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 9: 24–61 (in Russian).

Kareev N.I. (1897) *Vvedenie v izuchenie sociologii* [Introduction to the study of sociology]. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich (in Russian).

Kimelev Yu.A. (2009) *Zapadnaya filosofiya istorii na rubezhe XX–XXI vekov: Analiticheskij obzor* [Western philosophy of history at the turn of XX–XXI centuries: Analytical review]. Moscow: INION RAN (in Russian).

Lappo-Danilevsky A.S. (1890) *Organizaciya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve so vremeni smuty do epohi preobrazovanij* [Organization of direct taxation in the Moscow state from the time of troubles to the era of transformation]. St. Petersburg: Printing House of I.N. Skorohodov (in Russian).

Lappo-Danilevsky A.S. (1898) *Ocherk vnutrennej politiki Imperatricy Ekateriny II* [Essay of internal policy of Empress Catherine II]. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich (in Russian).

Lappo-Danilevsky A.S. (1912) *Istoricheskie vzglyady V.O. Klyuchevskogo* [Historical views of V. O. Klyuchevsky]. In: *V.O. Klyuchevskij. Kharakteristiki i vospominaniya* [V.O. Klyuchevsky. Characteristics and memories]. Moscow: Nauchnoe slovo: 100–116 (in Russian).

Lappo-Danilevsky A.S. (1923) *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. Vol. 1. Petrograd: Rossijskaya Gosudarstvennaya Akademicheskaya Tipografiya (in Russian).

Lappo-Danilevsky A.S. (2006) *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. Moscow: Territoriya budushchego (in Russian).

Malinov A.V. (2013) Osnovnye principy neokantianskoj filosofii istorii A.S. Lappo-Danilevskogo (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya) [Basic principles of the neo-Kantian philosophy of the history of A.S. Lappo-Danilevsky (to the 150th anniversary of his birth)]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 12: 89–95 (in Russian).

Malinov A.V., Peshperova I.Yu. (2014) Vopros o vznikovenii sociologii v kurse A.S. Lappo-Danilevskogo «Nauchnye osnovy sociologii v ih istoricheskom razviti» (po materialam arhiva) [The question of the emergence of sociology in the course of A.S. Lappo-Danilevsky “Scientific foundations of sociology in their historical development” (based on the archive)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Ser. 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religlovedeniie* [Bulletin of St. Petersburg University, Series 17. Philosophy. Conflictology. Cultural studies. Religious studies], 3: 24–33 (in Russian).

Motovnikova E.N. (2016) Problema istoricheskikh tipov v «Metodologii istorii» A.S. Lappo-Danilevskogo [The problem of historical types in the “Methodology of history” of A.S. Lappo-Danilevsky]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Eastern Siberia and the far East], 4: 5–11 (in Russian).

Pruzhinin B.I., Benderskiy I.I., Vorobyeva O.V., Dolgova E.A., Malinov A.V., Mikheshina L.A., Motovnikova E.N., Olkhov P.A., Khvostova K.V., Shchedrina T.G. (2017) Filozofsko-metodologicheskie proekty russkikh istorikov i sovremennyye problemy metodologii istoricheskogo poznaniya. K 180-letiyu V.I. Gerye. Materialy konferencii — «kruglogo stola» [Philosophical and methodological projects of Russian historians and modern problems of methodology of historical knowledge. To the 180-th anniversary of V.I. Gerye. Materials of the conference — “round table”]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 9: 24–61 (in Russian).

Ramazanov S.P. (2014) Gnoseologicheskij i social'nyj konteksty neokantianskogo diskursa A.S. Lappo-Danilevskogo [Gnoseological and social contexts of the neo-Kantian discourse of A.S. Lappo-Danilevsky]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 46: 28–37 (in Russian).

Rikkert G. (1998) *Filosofiya zhizni* [The philosophy of life]. Kiev: Nika-Centr; Vist-S (in Russian).

Rumyancheva M.F., Levit S.Ya. (eds.) (2007) Lappo-Danilevsky Aleksandr Sergeevich. In: *Kul'turologiya. Enciklopediya* [Culturology. Encyclopedia], vol. 1. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Rusakova O.F. (2000) *Filosofiya i metodologiya istorii v XX veke: shkoly, problemy, idei* [Philosophy and methodology of history in the XX century: schools, problems, ideas]. Ekaterinburg: UrO RAN (in Russian).

Rusakova O.F. (2015) Neokantianskij diskurs filosofii istorii: metodologicheskie aspekty [Neokantians discourse of the philosophy of history: methodological aspects]. *Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika* [Discourse: methodology, theory, practice], 9: 99–120 (in Russian).

Ryabova L.K., Ryabov A.A. (2014) Metodologiya istorii A.S. Lappo-Danilevskogo i sovremennaya zapadnaya teoriya istorii [Methodology of history of A.S. Lappo-

Danilevsky and modern Western theory of history]. *Novaya i Novejshaya istoriya* [New and Recent history], 1: 8–16 (in Russian).

Saraeva E.L. (2015) Metodika istoricheskogo postroeniya: idei A.S. Lappo-Danilevskogo [Methods of historical construction: ideas of A.S. Lappo-Danilevsky]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl pedagogical Bulletin], 6: 84–90 (in Russian).

Sukina L.B. (2014) Konceptsiya istorii russkoj kul'tury XVII veka A.S. Lappo-Danilevskogo i ee mesto i rol' v sovremennyh gumanitarnyh issledovaniyah [The concept of the history of Russian culture of the XVII century A. S. Lappo-Danilevsky and its place and role in modern humanitarian studies]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 46: 45–53 (in Russian).

Tyapin I.N. (2008) *Filosofsko-istoricheskie idei rossijskogo konservatizma XIX — nachala XIX v.* [Philosophical and historical ideas of Russian conservatism XIX — early XX century]. Vologda: Vologda state technical un-t (in Russian).

Vasilyev Yu.A. (2016) Nemeckie shkoly istorikov XVIII — XIX vv. Statya 3. Prusskaya (malogermanskaya) nauchnaya shkola [The German school of historians of the XVIII–XIX centuries. Article 3. Prussian (little German) scientific school]. *Informacionnyj gumanitarnyj portal Znanie. Ponimanie. Umenie* [Information humanitarian portal Knowledge. Understanding. Skill], 4: 5–19 (in Russian).

Vasilyev Yu.A. (2017) Byl li A.S. Lappo-Danilevskij neokantiancem v istorii? [Was A. S. Lappo-Danilevsky a neo-Kantian in history?]. *Vlast* [Power], 3: 186–191 (in Russian).

Vorobyeva S.A. (2007) Metodologiya istoricheskogo istochnikovedeniya v russkoj filosofii istorii pervoj poloviny XIX v. [Methodology of historical source studies in Russian philosophy of history of the first half of the XIX century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Ser. 6. Filosofiya, politologiya, sociologiya, psihologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University, Series 6. Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations], 4: 154–163 (in Russian).